Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 114–125.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 114–125.

Научная статья
УДК 314.72
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/114-125

Молодежь и миграция: особенности дальневосточного кейса

Сергей Михайлович Захаров
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия, zakharov1201@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы, происходящие в субъектах Дальневосточного федерального округа, которые оказывают влияние на миграционные стратегии молодежи. Автор отмечает, что значительную роль в аспекте устойчивого развития территории и сохранения человеческого капитала играет сбалансированное развитие регионов. Таким образом, для Дальнего Востока важно уделять приоритетное внимание потребностям проживающих там людей, сосредоточившись на повышении качества жизни и обеспечении безопасности, чтобы стимулировать миграционный поток и сделать регион привлекательным. Это имеет первостепенное значение для успеха амбициозных проектов власти и бизнеса в регионе.
Ключевые слова: *Дальний Восток, миграция, молодежь, отток населения, регион*
Для цитирования: Захаров С. М. Молодежь и миграция: особенности дальневосточного кейса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 114–125. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/114-125

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/114-125

Youth and migration: features of the Far Eastern case

Sergey M. Zakharov
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia,
zakharov1201@rambler.ru

Abstract. The author explores the dynamics within the regions of the Far Eastern Federal District that impact the migration patterns of the youth, emphasizing the significance of well-balanced regional development for sustainable territorial growth and preserving human capital. The study delves into migration processes among young people in the Far East, using a comparative approach to understand the rationale behind youth migration strategies and a behavioral approach to discern how youth behavior is influenced by the conditions in the individual subjects of the Far East. Therefore, it is imperative for the Far East to prioritize addressing the needs of its inhabitants, focusing on enhancing quality of life and ensuring security to stimulate migration and enhance the attractiveness of the region. This is of paramount importance for the successful implementation of ambitious governmental and business initiatives in the region.
Key words: *Far East, migration, youth, population outflow, region*
For citation: Zakharov S. M. Youth and migration: features of the Far Eastern case // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 114–125. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/114-125

Введение

Каждое пространство, обладая уникальным набором характеристик и параметров, оказывает существенное влияние на поведенческие модели и субъектные возможности всех связанных с ним акторов. Если советская идеологическая и социально-экономическая модель предполагала стремление к равномерному развитию территории, то власть в постсоветской России, опираясь на капиталистические принципы, приняла для себя допустимым вступить на путь оптимизации тех или иных пространств. В результате запущенные трансформационные процессы привели к сосредоточению в федеральном и региональных центрах интеллектуального и социально-экономического потенциала, при этом определив тренд для провинциальных и периферийных пространств в сторону упадка вплоть до полного вымирания.

Проблема исследования заключается в определении причин миграционного оттока молодежи с Дальнего Востока. Основное внимание уделяется влиянию социально-экономических факторов на решение молодых людей о миграции, а также анализу последствий этого оттока для регионального развития и рынка труда. Исследование также включат в себя оценку эффективности путей поддержки молодежи на региональном уровне для смягчения негативных последствий миграционного оттока.

Цель исследования – на основе сравнения регионов Дальневосточного федерального округа понять тренды индивидуальных миграционных стратегий.

© Захаров С. М., 2024

Научная новизна исследования заключается в систематизации и анализе вторичных социологических данных, фиксирующих миграционные процессы на Дальнем Востоке среди молодежи. Такой подход позволит автору внести свою собственную интерпретацию и выявить новые тенденции в этом процессе.

Методологическая основа исследования представлена сравнительным методом, который дает возможность сопоставить положение дел в отдельных регионах, чтобы понять логику миграционных стратегий молодежи. Автор также использует бихевиористический метод, позволяющий определить зависимость поведения молодежи от положения дел в отдельных субъектах Дальнего Востока.

Положение регионов Дальневосточного федерального округа и миграционные настроения молодежи: статистика и авторские оценки

Трансформации в социально-экономической сфере, происходящие в постсоветской России, актуализировали миграционные процессы, разделив, по замечанию ряда исследователей, Российскую Федерацию на две зоны. "В настоящее время с точки зрения миграционного прироста страна разделилось на обширную зону миграционного оттока, которая включает регионы восточной части страны, в том числе Сибири и Дальнего Востока, Европейского и Азиатского Севера, Урала, Поволжья и значительную часть Центральной России (кроме столичных мегаполисов и нескольких регионов). Вторая зона представлена островками относительного миграционного благополучия, которые имеют миграционный прирост (Москва, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининград и некоторые другие)" **[14, с. 16].**

В этой связи особый интерес представляет кейс Дальневосточного федерального округа (ДФО), где несмотря на пристальное внимание со стороны власти среди населения четко прослеживается желание покинуть регион. Это стремление особенно ярко проявляется в молодежной среде, что несет в себе особенные риски в аспекте перспектив развития этих территорий.

Дальневосточный миграционный дискурс подразумевает обращение к исторической ретроспективе формирования состава населения региона. В этой связи Е. Мотрич указывала, что "важной и характерной чертой Дальнего Востока является наиболее поздний период его заселения по сравнению с другими территориями России. Сдерживающими факторами заселения являлись отдаленность территории и сложность ее освоения. Тем не менее к началу 1991 г. в пределах российского Дальнего Востока сформировался довольно значительный населенческий потенциал благодаря экстенсивному характеру его освоения, предусматривающему привлечение в регион миграционных потоков. Помимо миграционных потоков, в формировании населенческого потенциала значительную роль играл и естественный прирост численности населения, который был выше среднесоюзных показателей благодаря более молодой структуре населения. В результате численность населения Дальнего Востока за период 1926–1991 гг. увеличилась в 5,1 раза …<…>... Важно отметить, что ни один экономический район страны (СССР) в советские годы не имел столь высоких темпов роста населения" **[15, с. 134]**.

"Однако все это время, наряду с организованным "притоком" населения, наблюдался и его "отток" на запад, в европейскую часть бывшего СССР. Мало того, лишь незначительная часть переселенцев ехала на Дальний Восток, чтобы остаться там навсегда, – из 1075 опрошенных хабаровчан таковых оказалось лишь 17. Большинство (57%) попало туда "по распоряжению начальства" (распоряжение, приказ, перевод, комсомольская путевка), другие собирались сделать карьеру и вернуться (9%), некоторые хотели решить материальные (14%) или личные и семейные (15%) проблемы, какую-то часть (5%) составляли ссыльные или бывшие заключенные" **[4, с. 46–47]**, – отмечал Л. Бляхер.

Тем самым на Дальнем Востоке сложилась достаточно сложная общественная система, которая формировалась из людей, принужденных к переезду и обеспокоенных стремлением к материальной выгоде. Их изначальные установки, по сути, не подразумевали глубокую интеграцию в сложившееся общество, ограничиваясь необходимостью формирования коммуникационных связей для решения текущих проблем. При этом миграционный дискурс становился неотъемлемым элементом и в среде родившихся на Дальнем Востоке,

корреспондируясь с историей значительного числа семей, ранее реализовавших переезд на эти территории, и подпитываясь взаимодействием с родственниками из других регионов, выходцами из которых были их предки.

Переломным моментом стал процесс разрушения советской государственной системы. Как отмечала З. Сидоркина, "либеральная модель экономики с ее приватизацией и ориентацией на экспорт привела к тому, что Дальний Восток, в советское время обеспечивающий себя практически всем необходимым, превратился в дефицитный регион, требующий инвестиций и в основном живущий экспортом, доходы от которого проходят мимо региона" **[19, с. 665]**.

Перестали работать механизмы распределения кадров, а материальные стимулы, в виде дальневосточных надбавок и получения льготного жилья, выглядели уже не столь привлекательно. "В результате формируется сообщество, состоящее из людей, которые не могут, не желают, но должны жить вместе. Они приехали на время, но "застряли" навсегда. Они хотели "заработать", но обеднели. Они *разные*, и чуть ли не единственное, что их связывает, – это язык и ощущение брошенности" **[4, с. 49]**, – приходил к заключению Л. Бляхер.

Состояние нарастающей депривации корреспондировалось с репрезентацией миграционных настроений, главным образом в молодежной среде. В. Зубков и П. Сидоров в результате опроса, проведенного в сентябре-ноябре 2020 г. в Хабаровском крае (202 жителя региона; 200 обучающихся в образовательных организациях высшего образования), отмечали: "среди опрошенных старше 65 лет, указавших, что не хотят и не собираются переезжать – подавляюще большинство (72%). В то время как среди молодежи таких оказалось только незначительная доля (15%). При этом доли молодых людей, давших ответы, отражающие желание покинуть регион, в среднем в два раза больше, чем соответствующие доли ответов всех опрошенных. О масштабе и устойчивости выявленных миграционных настроений молодежи может свидетельствовать тот факт, что каждый седьмой молодой человек, выразивший желание уехать указал, что ни при каких обстоятельствах не передумает" **[10, с. 217]**.

В свою очередь, многочисленные социологические исследования (Ю. Березутский **[3, с. 114]**, В. Зубков **[9, с. 148]**, Я. Колосова **[12, с. 20]**, А. Шкуркин и Луценко **[25, с. 80–81]**) фиксировали в какой-то степени универсальный набор причин для миграции, свойственных для большинства регионов, испытывающих в той или иной степени депрессивную симптоматику. В их числе ограниченные возможности трудоустройства (трудоустройства по специальности), низкий уровень оплаты труда, отсутствие доступного жилья, скудные возможности для самореализации, неблагоприятный климат / экологическая ситуация и т.д.

Проведенные исследования дают возможность констатировать, что некоторые люди, проживающие на Дальнем Востоке, испытывают чувство обделенности и неудовлетворенности нынешними обстоятельствами, которое выливается в желание искать регионы с лучшими перспективами.

Среди таких регионов, определенных в ходе социологических опросов (В. Зубков, П. Сидоров **[10, с. 219]**; А. Винокурова, А. Ардальянова, Ж. Шаривхан **[6, с. 11]**; Я. Колосова **[12, с. 20]**), респонденты чаще всего называли Санкт-Петербург, Москву и Московскую область, Краснодарский край, Калининград.

Чтобы понять, насколько обоснованы подобные стремления, проведем сравнение субъектов Дальневосточного федерального округа с регионами желаемого переезда на основе данных РИА Рейтинг.

Сравнение регионов "по качеству жизни", включающее в себя оценки уровня инфраструктуры, развития экономики и социальной сферы, показывает, что Москва, Санкт-Петербург и Московская область являются наиболее желанными субъектами для проживания не только для дальневосточников, но и всех жителей России. Более того, эти регионы занимают лидерские позиции уже много лет и вероятно сохранят их в дальнейшем, учитывая гораздо больший потенциал для роста. В свою очередь, субъекты ДФО, находясь в большинстве своем в нижней части рейтинга, уступают "регионам предполагаемого переезда".

Сопоставление регионов "по зарплате" (доля работников с зарплатой выше средней по стране) и "по динамике зарплат" (срок достижения у половины работников зарплаты 100 тыс. руб. в месяц) уже не выглядит так однозначно. Ряд субъектов ДФО представляются вполне конкурентоспособными в сравнении с Москвой, Санкт-Петербургом и Московской областью, при этом существенно опережая по этим показателям Калининградскую область и Краснодарский край. Природа такого положения дел кроется в высоких доходах людей, занятых в добывающих отраслях. В этой связи характерным примером выступает Амурская область, где в последние годы реализуются масштабные инфраструктурные проекты, в числе которых космодром Восточный, Амурский газоперерабатывающий завод и Амурский газохимический комплекс. Это привело к тому, что за последние пять лет средняя зарплата в Амурской области выросла в 1,8 раза, что является лучшим показателем среди регионов России.

Заметим, что ряд регионов ДФО находится в числе лидеров по зарплате выпускников.

Соотнесение регионов "по уровню безработицы" позволяет говорить, что только Хабаровский край и Чукотский автономный округ выделяются на фоне остальных субъектов ДФО, находясь в первой десятке рейтинга вместе с Санкт-Петербургом, Москвой и Московской областью. При этом остальные регионы Дальнего Востока серьезно контрастируют между собой. В частности, Республика Бурятия занимает первое место по среднему времени поиска работы (2,4 месяца), в то время как Магаданская область находится среди худших, с показателем 10,6 месяцев. В свою очередь, Еврейская автономная область является единственным субъектом РФ, показавшим положительное значение в изменении уровня безработицы к аналогичному периоду 2020 г.

Говоря о трудоустройстве молодежи, в контексте сравнения регионов, интерес представляют механизмы поиска работы. Проведенное в апреле 2017 г. в Приморском крае исследование (выборочная совокупность – 517 человек, в возрасте 16–29 лет) показало: "59,3% опрошенных указали, что рассчитывают на собственные силы; 40,3% – помощь родителей; центры занятости – 16,1%; агентства по трудоустройству – 14%. Возможностям средств массовой информации и Интернета отдали предпочтение 23,9%, учебных заведений – 20,6% респондентов. Показательно, что на центры занятости особых надежд не возлагалось" **[13, с. 198]**. Схожие результаты, полученные в ходе опроса в Хабаровском крае, презентовала и С. Халикова, отмечая среди наиболее распространенных личные знакомства (обращение к друзьям, родственникам, знакомым), объявления о вакансиях, обращение к работодателю, возможности Интернет, помощь образовательной организации, подача объявлений, ярмарка вакансий. При том что государственные и коммерческие службы занятости являлись аутсайдерами списка **[21, с. 99]**.

В свою очередь, в Москве можно было наблюдать несколько иную картину. Согласно проведенному в 2017 г. опросу (выборка – 228 человек, в возрасте 14–30 лет), способы поиска работы распределились следующим образом: специальные сайты в Интернете – 79,2%; городская служба занятости населения – 77,9%; родственники, знакомые, коллеги – 63,2%; обращение напрямую к работодателю – 52,8%; объявления в СМИ – 38,5%; ярмарка вакансий – 35,1%; частные агентства занятости – 29,4%; другое – 2,6%. При этом с точки зрения эффективности больше всего отличных оценок получила городская служба занятости населения, наихудшие баллы получили частные агентства занятости и ярмарки вакансий **[18, с. 124–125]**.

Проведенное сравнение дает основание говорить, что созданные властью Москвы механизмы помощи в трудоустройстве находятся на качественно ином уровне. Эти условия особенно актуальны для приезжих, учитывая отсутствие у большинства личных связей, которые компенсируются достаточно эффективными решениями поиска работы, в том числе через государственные центры занятости населения.

Заметим, что работодатели на Дальнем Востоке достаточно снисходительно относятся к ищущей работу молодежи. Это подтверждает расчет индекса удовлетворенности, проведенный Т. Шкариной, Е. Крюковым и О. Павловой. В результате авторы приходят к выводу – в настоящее время очень часто у работодателей нет альтернативы при подборе новых сотрудников, что ведет

Табл. 1. Место региона в рейтинге
Table. 1. The region's place in the rating

Регион	По качеству жизни (2021 г.)	По зарплатам (2022 г.)	По динамике зарплат	По уровню безработицы (2021 г.)	По доступности жилья (2022 г.)	По преступности (2022 г.)
Регионы предполагаемого переезда						
Калининградская область	11	61	83	51	74	32
Краснодарский край	5	64	77	52	73	43
Москва	1	8	6	4	32	16
Московская область	3	18	19	8	21	8
Санкт-Петербург	2	9	5	1	17	18
Дальневосточный федеральный округ						
Амурская область	68	14	4	53	49	85
Еврейская автономная область	83	37	22	64	22	82
Забайкальский край	81	19	33	77	60	81
Камчатский край	33	11	9	16	7	70
Магаданская область	55	5	3	42	1	69
Приморский край	43	27	21	40	71	74
Республика Бурятия	78	33	42	76	65	83
Республика Саха (Якутия)	70	7	15	70	16	38
Сахалинская область	28	6	7	58	10	72
Хабаровский край	29	24	46	6	48	62
Чукотский автономный округ	59	2	2	9	–	65

Источник: составлено автором на основе: **[11]**.
Source: compiled by the author based on: **[11]**.

к размытости критериев оценки молодых специалистов и отсутствию строгих требований. Это происходит на фоне того, что индекс удовлетворенности опрошенных работодателей Дальнего Востока составляет 87,47% и, соответственно, находится в интервале 80,0%–95,0%, что соответствует недостаточной удовлетворенности по важным характеристикам (требуются корректирующие действия) **[24, с. 108]**.

Сравнение регионов "по доступности жилья" определялось соотношением роста зарплаты к динамике цен на недвижимость. В этой связи первое место Магаданской области обеспечивалось главным образом за счет хорошей зарплаты и устойчивой динамики ее роста, при том что цена на жилье являлась далеко не самой доступной в России. Отметим, что по этому параметру практически все регионы ДФО, за исключением Еврейской автономной области, находились в верхней части рейтинга, а Сахалинская область, При-

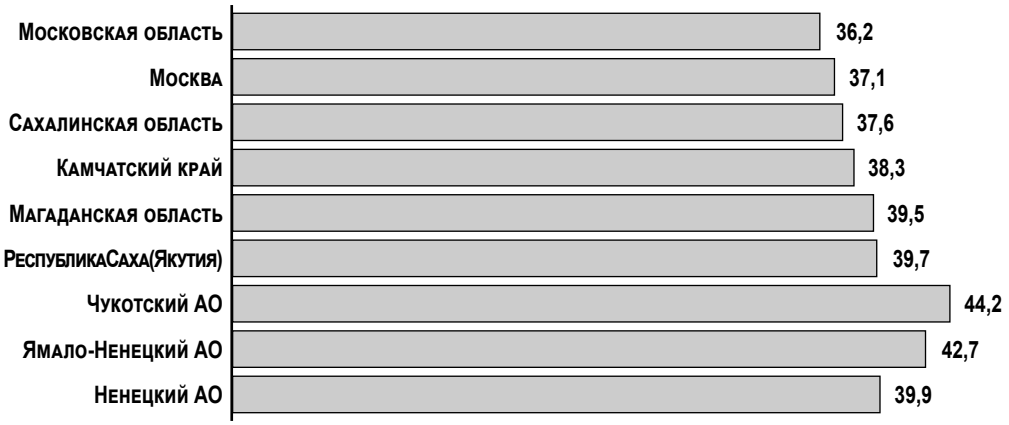

Рис. 1. Регионы – лидеры по уровню заработной платы недавних выпускников, тыс. руб. (2019 г.)
Fig. 1. Regions by salary level of graduates, thousand rubles (2019)
Источник: составлено автором на основе: **[7, с. 31-33]**.
Source: compiled by the author based on: **[7, с. 31-33]**.

морский край и Республика Саха (Якутия) вообще располагались в первой пятерке, уступая лишь Москве и Санкт-Петербургу.

Эта особенность с точки зрения западного миграционного дрейфа выглядела достаточно перспективно, поскольку позволяла в случае выгодной продажи жилья в ряде регионов Дальнего Востока рассматривать эквивалентные варианты в Московской и Калининградской областях, а также Краснодарском крае. Однако молодежь, чаще всего не обладая собственным жильем, не имеет возможности реализовать подобную миграционную стратегию, что вынуждает ее обращаться к ипотечному кредитованию, которое нередко ложится дополнительным бременем на плечи родителей.

Немаловажной особенностью при характеристике регионов является критерий безопасности, о котором можно судить в рамках сопоставления субъектов "по преступности". Проведенный анализ позволяет определить ДФО как наиболее криминализированный, принимая во внимание и то, что Амурская область, Республика Бурятия, Еврейская автономная область и Забайкальский край входят в первую пятерку по количеству преступлений, зарегистрированных в январе – сентябре 2022 г., на 10 тыс. жителей. При этом по количеству тяжких и особо тяжких преступлений Амурская область, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Еврейская автономная область и Республика Бурятия вообще формируют топ 5 этого антирейтинга. Справедливости ради заметим, что практически во всех регионах ДФО наблюдается снижение количества преступлений / тяжких и особо тяжких преступлений, зарегистрированных в январе – сентябре 2022 г. по сравнению с январем – сентябрем 2021 г. Исключение составляют Забайкальский край, где фиксируется рост 2,4% по тяжким и особо тяжким преступлениям, а также Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ, в которых увеличение числа преступлений / тяжких и особо тяжких преступлений составило 0,3% / 3,5% и 6,0% / 34,6% соответственно. На этом фоне ситуация в регионах предполагаемого переезда в целом выглядит куда более благополучно, несмотря на рост количества преступлений в Краснодарском крае (0,7%), Московской области (1,2%), Санкт-Петербурге (0,8%), а также увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений в Краснодарском крае (5,3%) и Московской области (2,8%).

Проведенное сравнение дает основание говорить, что по совокупности параметров Москва, Санкт-Петербург и Московская область на фоне регионов ДФО выглядят предпочтительнее. При этом лишь некоторые из них могут предложить конкурентоспособную заработную плату, которая не всегда компенсирует невысокое качество жизни, сложную криминогенную обстановку, высокие тарифы ЖКХ, неблагоприятные климатические условия. Выбор в

пользу Краснодарского края и Калининграда как пунктов предполагаемого переезда вызывает вопросы. С точки зрения аргумента в пользу первого выступают климат, близость к морю и курортам, а в пользу второго – располагающаяся неподалеку европейская граница, которая в свете происходящих геополитических процессов, уже не воспринимается как очевидный плюс.

Существенным риском для развития дальневосточных регионов выступает ориентированная на запад страны молодежная образовательная миграция. Этот тренд подтверждался в ходе проведенного Г. Петрук и А. Ким анкетирования (около 1000 респондентов в возрасте от 15 до 30 лет). "Приоритеты старшеклассников Приморского края в выборе учебного заведения после окончания школы распределились следующим образом: в вузах Москвы или Санкт-Петербурга – 34,7%, за пределами Приморского края (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) – 13,8%, в университетах за пределами России – 4,9%, в вузах Приморского края – 46,6%. ….<…>... основными причинами для миграции выпускников школ из Приморского края являются: желание получить более престижный диплом (32,2%), желание посмотреть мир (30,3%), убежденность в том, что за пределами Приморского края работу найти легче (26,0%). 22,8% респондентов считают, что вузы за пределами Приморского края обеспечат более комфортные условия для учебы и проживания" **[17, с. 301]**.

Однако современные тенденции развития ДФО демонстрируют, что у региона есть все возможности для обеспечения молодежи качественным образованием. Об этом можно судить, опираясь на "Навигатор востребованных профессий на Дальнем Востоке 2022–2027" составленный Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики.

Предложенный Корпорацией прогноз роста занятости в ключевых отраслях экономики ДФО до 2027 г. (на наш взгляд, может скорректироваться в свете геополитических изменений) предполагает, что темпы по отраслям будут варьироваться от 0–5 % (туризм и сервис) до 20–25% (добыча угля, металлических руд и алмазов; рыболовство и аквакультура). Эти тенденции будут сопровождаться приростом занятости, которая должна обеспечиваться квалифицированными кадрами, способными отвечать запросам цифровизации, информатизации и автоматизации производств. Тем самым уже сейчас, реализуемые или готовящиеся к реализации масштабные инвестиционных проекты в ДФО корреспондируются с образовательной базой макрорегиона, что позволяет молодежи получить востребованную специальность, не покидая пределов Дальнего Востока **[16]**.

Совокупность факторов, к числу которых, согласно терминологии Л. Бляхера, можно отнести "проточную" культуру, а также объективные факторы повседневности, влекли за собой миграционный отток дальневосточной молодежи, который фиксировался Росстатом **[22]** *(Приложение 1)*.

В результате ретроспективного взгляда на субъекты ДФО, охватывающий период с 2017 по 2021 гг., можно было говорить о динамике снижения числа уехавшей молодежи из всех исследуемых регионов. В 2020 г. на эту тенденцию повлияла и пандемия COVID-19, которая в весенний период сопровождалась серьезными ограничениями в аспекте перемещения граждан. В свою очередь, в 2021 г. только у Еврейской автономной области, Республиках Бурятия и Саха (Якутия) произошли изменения нисходящего тренда.

Однако были и те, кто решил пополнить ряды дальневосточников **[23]** *(Приложение 2)*.

Анализ полученных данных не позволяет говорить о существовании единого, характерного для всех регионов ДФО тренда. Так, например, Амурская и Сахалинская области в исследуемый период демонстрировали стабильное снижение числа прибывших, в то время как в Камчатском крае и Чукотской автономной области фиксировались показатели вокруг средних значений. Существенный удар по миграционному потоку нанесли коронавирусные ограничения. В 2020 г. во всех регионах, за исключением Республики Саха (Якутия), наблюдалось резкое снижение числа прибывавшей молодежи. В 2021 г. большинству регионов удалось переломить нисходящий тренд, а Республика Саха (Якутия) вообще достигла лучших показателей за период наших наблюдений.

Сравнение показателей выбывшей и прибывшей молодежи в период с 2017 по 2021 гг. показало, что в большинстве регионов ДФО фиксировалось отрицательное сальдо миграции. Однако отрицательное, но близкое к нуле-

вому отмечалось в Приморском и Хабаровском краях. Положительное сальдо наблюдалось в Камчатском крае, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области и Чукотском автономном округе.

Активность власти: попытки изменить миграционные тренды

Развитие Дальнего Востока в целом и его человеческого капитала в частности происходило и происходит при значительном участии власти. На связь поколений обращала внимание Е. Стасюк, сравнивая политику, проводимую в период Российской Империи (РИ), СССР и Российской Федерации (РФ), в отношении Дальнего Востока на основе следующих критериев:

1) организационное управление (Комитет по заселению Дальнего Востока (1909 г.); Дальневосточный революционный комитет (1922 г.), Дальневосточное переселенческое управление (1926–1929 гг.); Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (2012 г.), в 2019 г. переименовано в Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики – [прим. авт.]);

2) программный подход (РИ – программа мер по переселению и обустройству переселенцев в Приамурском крае; СССР – проект, предусматривавший меры для сельскохозяйственного и промышленного развития региона, а также поддержку переселенцев; РФ – программа "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" (2014 г.), программы содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, в 2020 г. утверждена Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года – [*прим. авт.*]);

3) привязка к земле (РИ – возникло единоличное землепользование, упрощен порядок получения земли; РФ – дальневосточный гектар);

4) материальное стимулирование (РИ – домообзаводная ссуда переселенцам; СССР – жилье молодым специалистам, материальное стимулирование, единовременные пособия и ссудная помощь, дополнительные отпуска и районные коэффициенты; РФ – программа субсидирования авиаперелетов льготным категориям граждан, улучшение жилищных условий отдельным категориям граждан, меры поддержки: "Земский доктор", "Земский учитель", "Социальный контракт" – [прим. авт.]);

5) развитие транспортной инфраструктуры (РИ – строительство Транссибирской железной дороги; СССР – строительство Байкало-Амурской магистрали; РФ –развитие международных транспортных коридоров "Приморье-1" и "Приморье-2", развитие Северного морского пути – [прим. авт.]).

В результате исследователь приходила к выводу, "что в некоторой степени в политике имперской, советской и современной России имеется некоторое сходство" **[20, с. 158–160]**.

Эту особенность, с одной стороны, можно расценивать как преемственность, с другой – как отсутствие инновационных подходов в динамично меняющихся условиях. В рамках данной дискуссии безусловно можно сетовать на то, что "в поиске "прорывных" идей развития Дальнего Востока России, мы зачастую забываем об успешном опыте реализации государственной, в том числе молодежной, политики советского периода" **[1, с. 119]**. Однако следует учитывать и то, что современное российское государство имеет дело с новым поколением молодежи, принципиально отличающимся от своих предшественников. Тем самым актуализируется вопрос о готовности самой молодежи идти на свершения, сопоставимые со строительством БАМа.

Трансформировавшийся кейс взглядов, ориентиров, ценностей современной молодежи изменил качество ее запроса к власти. То, что некоторое время назад могло восприниматься как приемлемые условия для жизни и переезда, в современном обществе не всегда удовлетворяют молодежь, создавая повод для упреков в адрес власти на местах.

Эта мысль находила свое подтверждение в ходе ряда социологических исследований, проводимых на Дальнем Востоке. В частности, в рамках опроса (88 человек), проведенного М. Бурдой, И. Герасимовой среди студентов вузов, государственных гражданских служащих, участников двух интернет-сообществ разных возрастных групп, "на вопрос "Считаете ли Вы эффективной деятельность органов государственной власти Российской Федерации по сти-

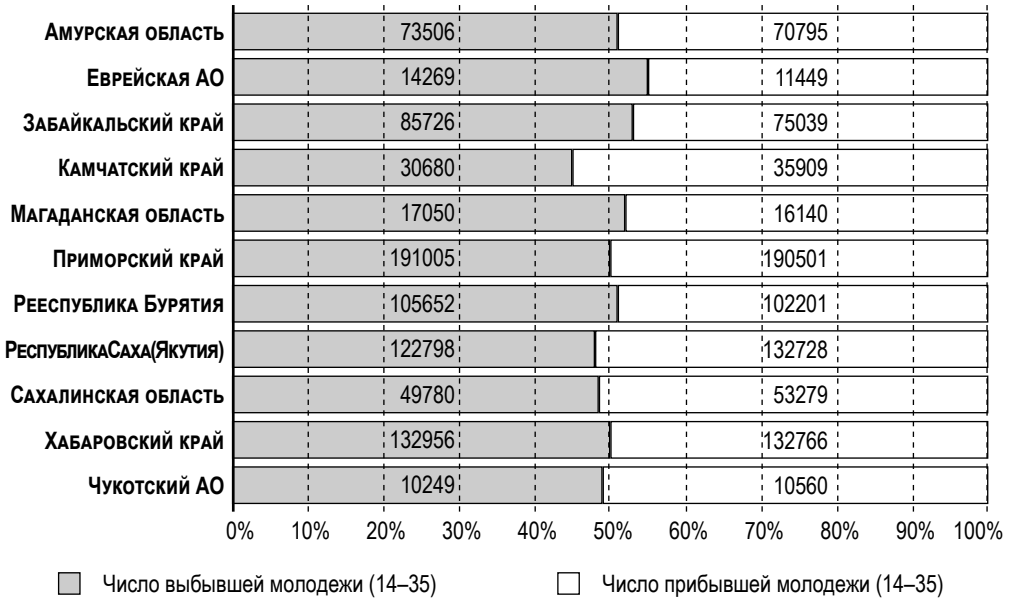

Рис. 2. Баланс выбывшей и прибывшей молодежи (14–35 лет) за период 2017–2021 гг. в регионах Дальневосточного федерального округа.

Fig. 2. The balance of youth who left and arrived (14–35 years old) for the period 2017–2021 in the regions of the Far Eastern Federal District.

Источник: составлено автором на основе: **[22; 23]**.

Source: compiled by the author based on: **[22; 23]**.

мулированию привлечения трудоспособного населения в Дальневосточный регион?" 55,7% ответили в целом неэффективной, 22,7% – неэффективной, в целом эффективной считают 15,9%, эффективной 5,7%" **[5, с. 45]**.

Проведенный опрос корреспондировался с мнением Ю. Березутского: "результаты всех, без исключения, фокус-групп показали, что по всем обследованным субъектам Дальнего Востока России, в разных типах городских поселений высока доля разочаровавшихся, неудовлетворенных существующим подходом федерального Центра к региону, востребованному преимущественно как средству добычи природных ресурсов недр и морей. Сложившиеся особенности в свою очередь отрицательно влияют на формирование общественного мнения местного сообщества, формируют чувство социальной отчужденности и социальной несправедливости, увеличивают отток населения" **[2, с. 391]**.

Анализ социологических источников, проведенных В. Зубковым, также приводил автора к заключению, "что, несмотря на принимаемые органами региональной власти усилия, молодежь слабо ощущает на себе влияние государственной молодежной политики или особого отношения государства в улучшении своей жизни" **[9, с. 154]**.

В свою очередь, мы можем согласиться с мнением В. Ефременко, который отмечал, что "опережающий экономический рост не становится фактором, повышающим привлекательность этих территорий для постоянного проживания" **[8, с. 142]**.

Заключение

Таким образом, анализ особенностей развития Дальневосточного федерального округа позволяет говорить, что принимаемыми властью мерами пока не удалось закрепить положительный миграционный баланс молодежи для большинства регионов. По-прежнему, несмотря на все риски, связанные с переездом, привлекательно выглядят федеральные центы (Москва, Московская область, Санкт-Петербург), жизнь в которых по совокупности факторов серьезно контрастирует не только с провинцией, но и региональными центра-

ми Дальнего Востока. В этих условиях обоснованно выглядит необходимость большего внимания со стороны власти, направленного на улучшение качества жизни и обеспечение безопасности, учитывая особое значение человеческого капитала для развития территории, где задачи по решению проблем "маленького человека" не должны теряться на фоне мегапроектов государства в этом стратегически важном для страны региона.

Литература

1. Березутский Ю.В. Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 113–125. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125

2. Березутский Ю.В. Дальневосточная молодежь о влиянии государственной политики развития Дальнего Востока России // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия "Демография. Социология. Экономика". Том 5. № 4 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М.: Изд-во "Экон-Информ", 2019. С. 389–392.

3. Березутский Ю.В. Пятнадцать факторов о современной студенческой молодежи города Хабаровска: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 10–117. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-110-117

4. Бляхер Л.Е. Потребность в национализме, или национальное самосознание на Дальнем Востоке России // Полис. Политические исследования. 2004. № 3. С. 44–54.

5. Бурда М.А., Герасимова И.В. Миграционная политика России на Дальнем Востоке: миграционные процессы и китайский аспект // PolitBook. 2018. № 4. С. 39–52.

6. Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю., Шаривхан Ж. Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 7-15. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/7-15

7. Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда: информационный бюллетень / М.В. Лопатина, Л.А. Леонова, П.В. Травкин, С.Ю. Рощин, В.Н. Рудаков; под науч. ред. С.Ю. Рощина, В.Н. Рудакова; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 72 с.

8. Ефременко В.Ф. Реализация права на привлекательный труд, как фактор закрепления молодежи на Дальнем Востоке России // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональное измерение: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2017. С. 141-145.

9. Зубков В.В. Миграционный потенциал молодежи в системе мер государственной региональной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 147–155. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-147-155

10. Зубков В.В., Сидоров П.Г. Миграционные представления жителей Хабаровского края: опыт пилотного социологического исследования // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 215-226. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-215-226

11. Инфографика // РИА Рейтинг. URL: https://riarating.ru/infografika/?id=630220075&date=20220328T173000 (дата обращения: 26.01.2023).

12. Колосова Я.Ю. Факторы миграции молодежи (на материале г. Комсомольск-на-Амуре) // Амурский научный вестник. 2018. № 4. С. 18–22.

13. Медведева Л.М., Скворчинский М.Д. Трудоустройство молодежи как многофакторный процесс кадрового обеспечения российского Дальнего Востока // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 196–199.

14. Микрюков Н.Ю., Письменная Е.Е., Безвербный В.А., Рязанцев С.В. Современные тенденции межрегиональной миграции в России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. № 3-4. С. 15–30.

15. Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153. https://doi.org/10.14530/se.2017.3.133-153.

16. Навигатор востребованных профессий на Дальнем Востоке 2022-2027 / Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. 30 с.

17. Петрук Г.В., Ким А.Г. Миграционные настроения молодежи как индикатор социально-экономического положения Дальневосточного региона России // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 300–303.

18. Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве / О.А. Александрова, М.С. Токсанбаева, А.В. Ярашева и др.; под науч. ред. А.В. Ярашевой; АНО "Совет по вопросам управления и развития". М.: Акварель, 2017. 252 с.

19. Сидоркина З.И. Молодежь как стратегический ресурс в социально-экономическом развитии Дальнего Востока // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник.

Вып. 4. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2021. С. 665–667.

20. Стасюк Е.В. Формирование региональной идентичности молодежи как условие ее сохранения на Дальнем Востоке России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2018. № 3 (25). С. 157–164.

21. Халикова С.С. Проблемы и перспективы трудоустройства молодежи в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3 (80). С. 96–104. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2017-80-3-96-104

22. Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58614 (дата обращения: 2.02.2023).

23. Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58613 (дата обращения: 2.02.2023).

24. Шкарина Т.Ю., Крюков Е.Ю., Павлова О.В. Анализ удовлетворенности работодателей компетенциями выпускников вузов Дальнего Востока // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 2 (34). С. 103–110.

25. Шкуркин А.М., Луценко Е.Л. Миграция российской молодежи в региональном измерении: дальневосточный ракурс // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2. С. 78–82. https://doi.org/10.12737/article_590084b9754711.46224865

References

1. Berezutskiy Yu. V. The Far Eastern youth as a subject and object of the state policy // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). P. 113–125. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125 (In Russ.).

2. Berezutsky Yu.V. The Far East youth about the impact of state policy of the Far East of Russia // The national demographic priorities: approaches and measures of realization. Series "Demography. Sociology. Economy". Volume 5. No. 2 / Under edition of the Corresponding Member, Russian Academy of Sciences Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K. Moscow: Econ-Inform, 2019. P. 389–392. (In Russ.).

3. Berezutskiy Yu.V. Fifteen facts about modern students in Khabarovsk: sociological analysis // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). P. 110–117. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-110-117 (In Russ.).

4. Blyakher L.Ye. Want of Nationalism, or National Self-Consciousness in Russia's Far East // Polis. Political Studies. 2004. No. 3. P. 44–54. https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.05 (In Russ.).

5. Burda M.A., Gerasimova I.V. Migration policy of Russia in the Far East: migration processes and Chinese aspect // PolitBook. 2018. No. 4. P. 39–52. (In Russ.).

6. Vinokurova A.V., Ardal'yanova A.Yu., Sharivkhan Zh. Leaving "where" or "from where": living conditions and migration strategies of residents of the Far Eastern Russian-Chinese borderland // Ojkumena. Regional researches. 2020. No. 4. P. 7–15. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/7-15 (In Russ.).

7. Graduates of secondary vocational and higher education in the Russian labor market: newsletter / M.V. Lopatina, L.A. Leonova, P.V. Travkin, S.Yu. Roshchin, V.N. Rudakov; edited by S.Yu. Roshchin, V.N. Rudakova; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE University Publishing House, 2020. 72 p. (In Russ.).

8. Efremenko V.F. Realization of the right to attractive work as a factor in the consolidation of youth in the Russian Far East // Topical issues of ensuring the rights and freedoms of man and citizen: regional dimension: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management - branch of RANEPA, 2017. P. 141–145. (In Russ.).

9. Zubkov V.V. Migration potential of youth in the system of measures of the state regional policy // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). P. 147–155. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-147-155 (In Russ.).

10. Zubkov V.V. Sidorov P.G. Migration imaginations of residents of the Khabarovsk territory: experience of the pilot sociological research // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 4 (93). P. 215–226. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-215-226 (In Russ.).

11. Infographics // RIA Rating. URL: https://riarating.ru/infografika/?id=630220075&date=20220328T173000 (accessed 26.01.2023). (In Russ.).

12. Kolosova Ya.Yu. Subjective reasons for migration of youth // Amur Scientific Bulletin. 2018. No. 4. P. 18–22. (In Russ.).

13. Medvedeva L.M., Skvorchinskiy M.D. Youth employment as a multifactorial process of staffing the Russian Far East // Azimuth of scientific research: economics and administration. 2017. Vol. 6. No. 2(19). P. 196–199. (In Russ.).

14. Mikruykov N., Pismennaya E., Bezverbnyi V., Ryazantsev S.V. Modern trends of interregional migration in Russia // Scientific Review. Series 2. Human Sciences. 2020. No. 3-4. P. 15–30. https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-13-4-02. (In Russ.).

15. Motrich E.L. Far East in Russian Demography: Trends during Reform // Spatial Economics, 2017, No. 3, P. 133–153. https://doi.org/10.14530/se.2017.3.133-153. (In Russ.).

16. Navigator of in-demand professions in the Far East 2022–2027 / Far East and Arctic Development Corporation. 30 p. (In Russ.).

17. Petruk G.V., Kim A.G. Youth migration moods as indicator of socio-economic situation of Russia's Far Eastern region // Azimuth of scientific research: economics and administration. 2019. Vol. 8. No. 4 (29). P. 300–303. (In Russ.).

18. Problems of employment of vulnerable segments of the population in Moscow / O.A. Alexandrova, M.S. Toksanbayeva, A.V. Yarasheva, etc.; under the scientific editorship of A.V. Yarasheva; ANO "Council on Management and Development". Moscow: Akvarel, 2017. 252 p. (In Russ.).

19. Sidorkina Z.I. Youth as a strategic resource in the socio-economic development of the Far East // Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook. Issue 4. Part 1 / INION RAN. Department of scientific cooperation; Ed. V.I. Gerasimov. Moscow, 2021. P. 665–667. (In Russ.).

20. Stasyuk E.V. The creation of a regional identity among young people as a requirement to maintain the youth population in the Far East of Russian Federation // Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy. No. 3 (25), 2018. P. 157–164. (In Russ.).

21. Khalikova S. S. Problems and prospects of youth employment in the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2017. No. 3 (80). P. 106–114. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2017-80-3-96-104 (In Russ.).

22. The number of dropouts by gender, age and movement flows // The Unified Statistical Information System (UISIS). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58614 (accessed 2.02.2023). (In Russ.).

23. The number of arrivals by gender, age and movement flows // The Unified Statistical Information System (UISIS). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58614 (accessed 2.02.2023). (In Russ.).

24. Shkarina T.Yu., Kryukov E.Yu., Pavlova O.V. Analysis of employers' satisfaction with competences of graduates from the Far East // Innovative development of vocational education. 2022. No. 2 (34). P. 103–110. (In Russ.).

25. Shkurkin A.M., Lutsenko E.L. Migration of Russian young people in the regional dimension: a Far East View // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2017. No. 2. P. 78–82. https://doi.org/10.12737/article_590084b9754711.46224865 (In Russ.).

◆

Информация об авторе

Сергей Михайлович Захаров, канд. полит. наук, ассистент кафедры истории Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия, e-mail: zakharov1201@rambler.ru

Information about the author

Sergey M. Zakharov, Candidate of Political Science, Assistant, Department of History, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia, e-mail: zakharov1201@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.02.2024 Одобрена после рецензирования 15.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 12.02.2024 Approved 15.05.2024 Accepted 27.05.2024